

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

П.С. Гуревич

ЧЕЛОВЕК НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация: в истории философии XVII век не имеет самостоятельного обозначения. В отличие от предшествующей эпохи Ренессанса и последующей — Просвещения, он выглядит безымянным, рас творенным в общей панораме нового времени. Между тем это столетие радикально отличается от других специфическим менталитетом. Оно подарило человечеству особую культуру, неповторимое мироощущение.

Ключевые слова: педагогика, философия, рационализм, «век разума», человек, характер, страсти, аффекты, личность, человеческая природа.

«Мыслящий тростник»

В области философии это было время творчества таких знаменитых философов, как Р. Декарт, Б. Паскаль, Б. Спиноза, Г. Лейбниц. XVII век принес расцвет литературы в стиле барокко и классицизма (Кальдерон, Корнель, Расин, Мольер). Культура этого столетия выявила блестящую плеяду живописцев (Тьеполо, Рубенс, А. ван Дейк и др.). «Можно также назвать XVII столетие «веком разума», — отмечает Г.Я. Стрельцова. — На «естественный свет» человеческого разума опирались не только философы-рационалисты, но и мыслители-эмпиристы. Рационализм в широком смысле слова был характерен для подавляющего большинства представителей культуры. Он отразился в философии, искусстве, религии. Недаром «отцом» новоевропейской философии и культуры считается Декарт. С культом разума связан классицизм в литературе и искусстве и отчасти барокко. Своеобразный рационализм проникает и в христианство, породив иезуитский вариант религиозности, против которого выступил Паскаль со своей «религией сердца»¹.

В XVII в. возникает новое чувство жизни. «Основной чертой Нового времени было утверждение жизни: человек и его естественные отношения к среде стали центром интереса; полностью выразить себя, утвердить свою волю, насладиться собой в красоте жизни и ее отражении, в литературе и искусстве, — при этом обостренное чувство

понимания характеров, признаков страстей и механизма аффектов, формирующегося при дворах и в городских республиках, — таков был новый тип жизни, поднявшийся тогда над горизонтом сознания»².

Действительно, предметом философской литературы стал человек, физиологическая обусловленность душевной жизни, сила аффектов, темпераменты, различия в характерах индивидов и народов, физиогномика и прочая совокупность средств для познания характеров. Новая антропология исследует саму человеческую природу, индивидуальные формы существования, жизненное поведение людей.

Паскаль: опыт трагического бытия

Бурное развитие науки, изменившее картину мира, привело к переосмыслению проблемы человека. В эпоху эллинской и средневековой цивилизации земной шар казался беспредельно великим по сравнению с окружающими его небесными сферами. Лишь отдельные мыслители поднимались до осознания беспредельных размеров космоса. «Жизнь и сущность человека не резко отходили от остального живого, — отмечает В.И. Вернадский, — и не вызывали тех смущающих и тревожащих вопросов, которые возникли в христианском мировоззрении в ту эпоху, когда в XVI и XVII столетиях успехи научного знания

¹ Стрельцова Г.Я. Барокко и классицизм. XVII век // Человек. М., 1991. С. 278.

² Дильтей Вильгельм. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М.-Иерусалим, 2000. С. 309.

вновь поставили — уже перед всем человечеством — вопрос о колоссальных размерах и величии Космоса и ничтожности той пылинки, какую в нем представляет наша Земля»³.

Если раньше представление о быстротечности земной жизни, которая в своем значении представлялась величайшим благом, беспокоило умы, то теперь возникает сознание ничтожности этой жизни в холодном и бесстрастном космосе. И античная философия, и христианская теология рассматривали человека как конечную цель мироздания. Сокрушительный удар по этим воззрениям нанесла новая космология. Осознание того факта, что Вселенная не знает ни центра, ни вечных очертаний, безразлична к благополучию и счастью человека, естественно, породило трагическое мироощущение.

Беспредельность надвинулась на человека со всех сторон, и он оказался в мире, реальность которого не позволяет видеть в нем прежний дом. «В этом мире, — отмечает М. Бубер, — он оказался беззащитным, но на первых порах разделял восторг Бруно перед его величием, затем математический восторг Кеплера перед его гармонией, до тех пор, пока через сто с лишним лет после смерти Коперника и издания его трудов новая реальность человека не проявила себя куда решительней, чем реальность вселенной»⁴.

Коперниковская система стала одним из самых мощных орудий философского агностицизма и скептицизма, которые развились в XVII в. Разумеется, нотки скептицизма были и у ренессансного мыслителя Монтеня. В критике человеческого разума он прибег к всем хорошо известным традиционным аргументам греческого скептицизма. Но он использовал и новое оружие, которое в его глазах доказало свою огромную силу и первостепенную важность. Ничто не может так унижить нас и нанести столь чувствительный урон гордости человеческого разума, как беспристрастный взгляд на физический универсум.

Пусть человек, отмечает Монтень в знаменитом отрывке из «Апологии Раймунда Сабундского», «покажет мне с помощью разума, на чем покоятся те огромные преимущества, которые он приписывает себе. Кто уверил человека, что это изумительное движение небосвода, этот вечный свет, льющийся из величественно вращающихся над его головой светил, этот грозный ропот безбрежного моря, —

что все это сотворено и существует столько веков только для него, для его удобства и к его услугам? Не смешно ли, что это смешное и жалкое создание, которое не в силах управлять собой и представлено ударам всех случайностей, объявляет себя властелином и владыкой вселенной, даже маленькой частицы которой оно не в силах познать, не то что повелевать ей!»⁵.

Человек был склонен всегда рассматривать свое ближайшее окружение как центр мироздания и превращать свою отдельную частную жизнь в образец для всей Вселенной. Монтень полагал, что человек должен отбросить эту напрасную претензию, этот жалкий провинциальный путь мышления и суждения. «Когда виноградники в наших селениях побивает мороз, приходской священник тотчас же заключает, что кара божья снизошла на весь род человеческий... Кто же, видя наши распри со своими соплеменниками, не воскликнет: «Мировая машина разладилась и близок судный день!...». Однако лишь тот, кто мог представить в фантастической картине великий образ нашей матери-природы, во всем величии и блеске, кто усматривал в ее лике столь значительные и постоянные изменения, кто наблюдал себя в этом портрете, да собственно и не себя одного, а целое царство (словно легкий штрих на общем фоне) — лишь тот сможет оценить вещи сообразно с их истинной ценностью и величием»⁶.

По мнению Э. Кассирера, слова Монтеня дают нам ключ ко всему последующему развитию современной теории человека. Современная философия и наука должны были принять вызов, содержащийся в этих словах. Им пришлось доказывать, что новая космология вовсе не преуменьшает силу человеческого разума, но напротив, упрочивает и подтверждает ее. Так возникла задача соединить усилия метафизических систем XVI и XVII столетий. Эти системы избирают различные пути, но направляются к общей цели⁷.

Джордано Бруно был первым мыслителем, вступившим на эту тропу, которая в определенном смысле стала дорогой всей современной метафизики. Для философии Дж. Бруно характерно как раз то, что термин «бесконечность» меняет здесь свое значение. Для классической греческой мысли бесконечность — чисто негативное понятие: бес-

³ Вернадский В.И. Живое вещество. М., 1978. С. 29.

⁴ Бубер М. Проблема человека. М., 1993. С. 25.

⁵ Монтень М. Опыты. М., 1979. Кн. II. С. 390.

⁶ Там же. Кн. I. С. 68.

⁷ См.: Кассирер Э. Опыт о человеке // Проблема человека в западной философии. М., 1978. С. 17-18.

конечность бессвязна и не детерминирована; она лишена границы и формы, а значит, и недоступна для человеческого разума, который обитает в области форм и ничего, кроме форм, постичь не может. В этом смысле конечное и бесконечное, *regas* и *areigon*, упоминаемые в Платоновом «Филебе», — это два фундаментальных принципа, необходимо противостоящих друг другу.

Согласно Кассиреру, в учении Бруно бесконечность вовсе не означает отрицания или ограничения; напротив, она означает неизмеримое и неисчислимо богатство реальности и неограниченную силу человеческого интеллекта. Именно так Бруно понимает и истолковывает учение Коперника. Это учение, согласно Бруно, было первым и решающим шагом к самоосвобождению человека. человек не живет отныне в мире как узник, заточенный в стенах конечного физического универсума. Он способен пересекать пространства, прорываться через воображаемые границы небесных сфер, которые были воздвигнуты ложной метафизикой и космологией. Бесконечный универсум не полагает границ человеческому разуму — напротив, он побуждает разум к движению. Человеческий интеллект осознает собственную бесконечность, соразмеряя свои силы с бесконечным универсумом⁸.

В начале нового времени появился мыслитель, придавший антропологии блеск и новые силы. Это Блэз Паскаль (1623-1662) — французский математик, физик, религиозный философ. Исходя из тезиса о двойственной природе человека как основного положения, Паскаль трактует моральную природу человека как соединение доброго и злого. Только христианская религия с ее учением о грехопадении и преимуществах греха дает удовлетворительное объяснение этой двойственности человека, что является для Паскаля аргументом в пользу ее реальности.

В произведениях Паскаля антропология находит наиболее впечатляющее выражение. Французский философ, как никто другой, был подготовлен к решению этой задачи. Он обладал несравненным даром освещать наиболее темные вопросы и собирать в единое целое сложные и рассеянные системы мысли. Нет, кажется, ничего неподвластного остроте его мысли и ясности стиля. Он соединил в себе преимущества современной литературы и философствования, но использовал их как сред-

ство борьбы против современного духа — духа Декарта и его философии.

На первый взгляд кажется, будто Паскаль принимает все предпосылки картезианства и современной ему науки. Он соглашается с тем, что нет ничего в природе, что неподвластно научному разуму, как нет ничего неподвластного геометрии. Это, по словам Э. Кассирера, поистине странное событие в истории идей: один из величайших и самых глубоких геометров стал запоздалым рыцарем средневековой философской антропологии.

В 16 лет Паскаль написал трактат о конических сечениях, открывший новое и чрезвычайно плодотворное поле геометрических исследований. Но он был не только великий геометр, но и философ. В качестве философа он был не просто погружен в геометрические проблемы, но также стремился понять подлинное назначение, содержание и границы применения геометрии. Он полагал, что существует принципиальное различие между «геометрической мыслью» и «мыслью пронизательной и тончайшей».

Геометрическая мысль наиболее совершенна в исследовании тех предметов, которые доступны строгому анализу, т.е. могут быть расчленены на первичные составляющие элементы. Она исходит из некоторых посылок и выводит на них следствия, истинность которых может быть доказана универсальными и логическими правилами. Преимущество такого мышления состоит в ясности его принципов и необходимости его дедуктивных выводов. Однако не все предметы можно трактовать подобным образом. Существуют вещи, которые не поддаются какому бы то ни было логическому анализу из-за своей хрупкости и бесконечного разнообразия. И если в мире есть нечто такое, что в первую очередь должно быть отнесено к таким вещам, то это как раз человеческое сознание.

Паскаль выступает против пафоса тотального расчленения природы, постижения ее на путях логического и экспериментального умозрения.

*Теперь реальным стало только то,
Что можно было взвесить и измерить,
Коснуться пятью, выразить числом⁹.*

Не все подвластно геометрии. Не все можно измерить количественно и разъять на части. Воспользуемся строчками М. Волошина для иллюстрации этой мысли:

⁸ См.: Кассирер Э. Опыт о человеке // Человек. М., 1991. С. 18-19.

⁹ Волошин М. Избранные стихотворения. М., 1988. С. 299.

*Природа, одурелая от пыток,
Под микроскопом выдала свои
От века сокровеннейшие тайны:
Механику обрядов бытия.
С таким же исступлением, как раньше,
В себе стремился выжечь человек
Все то, что было плотью, как теперь...
Накладывал запреты и табу
На все, что не сводилось к механизму:
На откровенье, таинство, экстаз...¹⁰*

По мнению Паскаля, именно природе человека присуще богатство и утонченность, разнообразие и непостоянство. Следовательно, математика никогда не сможет стать инструментом истинного учения о человеке, философской антропологии. Смешно было бы говорить о человеке как о геометрическом постулате. Строить моральную философию в терминах геометрической системы — это, с точки зрения Паскаля, абсурд, философская фантазия. Но традиционная логика и метафизика не более способны понять и решить загадку человека. Ведь их первый и высший закон — это закон не противоречия. А рациональное, логическое и метафизическое мышление в состоянии понимать только такие объекты, которые свободны от противоречий, устойчивы по природе своей.

Как раз такой однородности, согласно Паскалю, мы никогда не встречаем у человека. Философу непозволительно конструировать искусственного человека — он должен описывать человека таким, каков он есть. Все так называемые определения человека — это лишь легковесные спекуляции, если они не основываются на опыте и не подтверждаются им. Нет другого способа понять человека, кроме изучения его жизни и поведения. Однако то, что мы при этом обнаружим, никоим образом не может быть описано одной-единственной простой формулой. Неизбежный момент человеческого существования — противоречие. Он причудливая смесь бытия и небытия. Его место — между двумя этими полюсами.

Таким образом, единственный возможный подход к тайне человеческой природы — это подход религиозный. Религия утверждает, что человек двойствен; одно дело человек до грехопадения, другое — после. Человек был предназначен для высшей цели, но утратил это предназначение. Грехопадение лишило его сил, извратило разум и волю. Поэтому классическая максима «Познай

самого себя» в философском смысле — смысле Сократа, Эпиктета или Марка Аврелия — не только малодействительна, но ложна и ошибочна. Человек не может доверять себе и читать в себе. Он сам должен молчать, чтобы слышать высший глас, глас истины. «Что станет с тобой тогда, о человек, когда ты естественным разумом обнаружишь свое действительное положение?.. Знай же, обуянный гордыней, что и сам ты сплошной парадокс. Смири себя, немощный разум, умолкни, неразумная природа, помни, что человек бесконечно превосходит человека. И услышь от Творца своего о своем действительном положении, тебе покамест неведомом. Слушай Бога»¹¹.

Все это, по комментарию Э. Кассирера, никоим образом еще не теоретическое решение проблемы человека. Религия и не способна дать такое объяснение. Но поразмыслим о том, что такое религия, какова ее природа. Религия не может быть ясной и рациональной. То, о чем она повествует, — темная и мрачная история человеческого грехопадения. Рациональное объяснение этого факта невозможно. Мы не можем объяснить человеческий грех, так как это не продукт или необходимое следствие какой-нибудь естественной причины.

Точно так же мы не можем объяснить человеческое спасение, ибо спасение это зависит от непостижимого акта божественной милости: оно свободно даруется и свободно отнимается, и никаким человеческим поступком или же достоинством заслужить его невозможно. Следовательно, религия и не претендует на прояснение тайны человека. Она подтверждает и углубляет эту тайну.

Бог, о котором говорит религия, — это *Deus absconditus*, сокровенный Бог. Следовательно, и его образ — человек — человек сокровенный. Религия — это не «теория» Бога, человека и их взаимных отношений. Единственный ответ, который мы можем получить от религии, что такова уж воля Бога — скрывать себя. «Итак, поскольку бытие Божие сокрыто от человека, любая религия, которая не говорит, что Бог сокровенен, не истинна, а любая религия, которая не находит доводов в защиту этого, лишена поучительности. Природа такова, что она всюду указывает на потерю Бога — и в человеке и вне его». Религия, следовательно, это своего рода логика абсурда — так только и можно схватить абсурдность, внутреннюю противоречивость, химерическое бытие человека. «Конечно, ничто не может поразить нас сильнее, чем это учение:

¹⁰ Там же. С. 300.

¹¹ Паскаль Б. Мысли. Гл. X. Раздел 1.

и однако же без этой тайны, самой непостижимой из всех, мы непонятны самим себе. В этой бездне узлом закручиваются и вращаются все наши обстоятельства, так что человек более непостижим без этой тайны, чем эта тайна непостижима для человека»¹².

В философии Паскаля обретает самообладание личность, которая стала бездомной посреди бесконечности. Все здесь зависит от знания того, что он — иной, чем все остальные, и именно потому иной, что и в падении своем может остаться сыном духа. Человек — это существо, которое сознает свое место во вселенной. И откуда он жив, он может сохранить это знание. Не то существенно в данном случае, что человек — единственное создание, дерзнувшее приступить к миру и познать его, хотя и это само по себе удивительно. Куда важнее, что ему известно отношение между ним и этим миром. Таким образом, прямо из этого мира возникло нечто, обращенное к миру. Отсюда следовало, что это нечто «из чреды мира» имеет и свою особую проблематику.

Казус Паскаля свидетельствует о том, что и в начале Нового времени прежние проблемы не устранялись, а демонстрировали свою устойчивость. Даже после того, как Р.Декарт выпустил «Рассуждения о методе», философское сознание продолжало бороться с теми же самыми трудностями. Оказались негодными оба решения, которые несовместимы друг с другом. Между тем началось медленное интеллектуальное развитие, в ходе которого вопрос «что есть человек» изменил свою форму и вновь возник уже на более высоком уровне. Здесь важно не столько открытие новых фактов, сколько появление новых мыслительных средств. Теперь дух нового времени заявил о себе.

Были предприняты новые поиски общей теории человека, основанной на эмпирических наблюдениях и общих логических принципах. Первым постулатом этого нового духа было устранение всех искусственных барьеров, которыми человеческий мир был отделен от всей остальной природы. Для того чтобы понять человеческий порядок вещей, мы должны начать с изучения космического порядка. И этот космический порядок предстает теперь в совершенно новом свете. Новая космология, гелиоцентрическая система, введенная трудами Коперника, — это единственная прочная научная основа новой антропологии.

Ни классическая метафизика, ни средневековая религия и теология не были готовы к решению этой задачи. Оба эти подхода, столь различные по методам и целям, основаны на общем принципе: они трактуют вселенную как иерархический порядок, в котором человек занимает высшее место. И в стоической философии, и в христианской теологии человек описывается как венец вселенной. Оба учения настаивают на существовании провидения, властвующего над миром и судьбой человека.

Это представление — одна из основных предпосылок и стоической и христианской мысли. Все это вдруг было поставлено под вопрос новой космологией. Претензия человека на то, чтобы быть центром вселенной, потеряла основания. Человек оказался в бесконечном пространстве, в котором его бытие предстает одинокой и исчезающе малой точкой. Он окружен немой вселенной, миром, который безмолвно безразличен его религиозным чувствам и глубочайшим моральным запретам.

Вполне понятно, даже неизбежно, что первая реакция на эту новую концепцию мира могла быть только отрицательной: сомнение и страх. Даже величайшие мыслители не были свободны от этих чувств. «Кто вдумается в это, — пишет Паскаль, — тот содрогнется; представив себе, что материальная оболочка, в которую его заключила природа, удерживается на грани двух бездн — бездны бесконечности и бездны небытия, он преисполнится трепета перед подобным чудом; и сдастся мне, что любознательность его сменится изумлением, и самонадеянному исследованию он предпочтет безмолвное созерцание»¹³.

Паскаль, назвавший человека «мыслящим тростником», исходил из идеи нереализованности, ничтожности человека. «А потом пусть человек снова подумает о себе и сравнит свое существо со всем сущим; пусть почувствует, как он затерян в этом глухом углу Вселенной, и выглядывая из чулана, отведенного ему под жилье, — я имею в виду зримый мир — пусть уразумеет, чего стоит наша Земля со всеми ее державами и городами и, наконец, чего стоит он сам. Человек — в бесконечности — что он значит?»¹⁴.

Оценивая философские воззрения Паскаля, Н.А. Бердяев отмечал, что человек может познавать себя сверху и снизу, из своего света, из божествен-

¹² Там же. Ег. X. Разд. 1.

¹³ Паскаль Б. Мысли // Человек. М., 1991. С. 283.

¹⁴ Там же. С. 282.

ного в себе начала и познавать из своей тьмы, из стихийно-подсознательного и демонического в себе начала. «И он может это делать потому, что он двойственное и противоречивое существо, существо в высшей степени поляризованное, богopodobное и зверopodobное, высокое и низкое, свободное и рабье, способное к подъему и падению, к великой любви и жертве и к великой жестокости и беспредельному эгоизму». Эту двойственность, подмечает Бердяев, Паскаль выразил лучше всех. Французский философ подчеркивал, что человек — самая ничтожная былинка в природе, но все-таки былинка мыслящая. Начало нравственности Паскаль усматривал в разуме.

«Краткая характеристика системы взглядов Паскаля, его «культу сердца», также дает основание относить французского философа к предшественникам философской антропологии и экзистенциализма. Можно сказать, что религиозная антропология Паскаля продолжает преемственность духовной традиции Августина, пунктирной линией (в качестве альтернативной рационализму Нового времени позиции) продолжается в веках, имеет много духовных параллелей с учением Кьеркегора о человеке, наконец, ее основные интенции так или иначе становятся значимыми для современного философского экзистенциализма, сформировавшегося после Первой мировой войны»¹⁵.

Список литературы:

1. Бубер М. Проблема человека. М., 1993.
2. Вернадский В.И. Живое вещество. М., 1978.
3. Дильтей Вильгельм. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М.-Иерусалим, 2000.
4. Кассирер Э. Опыт о человеке // Проблема человека в западной философии. М., 1978.
5. Кассирер Э. Опыт о человеке // Человек. М., 1991. С. 18-19.
6. Левичева Е.Н. Религиозная антропология Сёрена Кьеркегора: Автореф. на соиск. уч. ст. ... канд. философ. наук. М., 2006.
7. Монтень М. Опыты. Кн. I-II. М., 1979.
8. Паскаль Б. Мысли // Человек. М., 1991. С. 283.
9. Стрельцова Г.Я. Барокко и классицизм. XVII век // Человек. М., 1991. С. 278.

¹⁵ Левичева Е.Н. Религиозная антропология Сёрена Кьеркегора. Автореф. на соискание уч. ст. кандидата философских наук. М., 2006. С. 14.